

Воровство, антисемитизм, социальный статус и продолжение массовых убийств

Анализ ключевых социально-психологических факторов, которые подвигли «Зельбштутц» к участию в первых расстрельных акциях, помогает понять, почему местные жители, только недавно оказавшиеся под властью немцев, начали убивать. Однако по мере того, как убийства продолжались в 1942 году, к этим факторам добавились иные мотивации. Особенно возросло значение материальной выгоды и антисемитизма, которые стали тесно переплетены в Транснистрии, управляемой Фольксдойче Миттельштелле.

Отследить развитие и усиление антисемитизма в первые два года оккупации сложно. Источниками для реконструкции этого периода служат послевоенные допросы, проведенные следственными органами Западной Германии и Советского Союза, однако они слабо отражают как довоенные, так и военные проявления антисемитизма. Как уже отмечалось, допрашиваемые, осознавая, что их подозревают в военных преступлениях, и понимая, что открытые антисемитские высказывания были недопустимы в обеих странах, тщательно избегали подобных формулировок в своих показаниях.

Самым простым способом избежать обвинений для бывших этнических немцев было умолчание о довоенных контактах с евреями, тем самым создавая у следователей впечатление, будто такие контакты были минимальны. Хотя сравнительно немного послевоенных заявлений содержали упоминания о местных евреях, те, в которых они встречались, часто изображали евреев как агентов или ставленников советской власти. Бывшие жители Транснистрии описывали это по-разному. Одни указывали, что евреи занимали ключевые посты в местных парторганах и на колхозных должностях — то есть были теми самыми представителями власти, кто проводил политику СССР

на местах¹. Другие утверждали, что летом 1941 года советские власти якобы эвакуировали лояльных евреев заранее, еще до прихода немцев и румын². Насколько эти представления соответствовали действительности, установить трудно. С учетом близости региона к Одессе, традиционно населенной евреями, можно предположить, что среди местных советских служащих действительно могло быть значительное число евреев. Возможно также, что многие евреи покинули регион по собственной инициативе, опасаясь за свою жизнь не как коммунисты, а как евреи. Однако в восприятии многих этнических немцев именно евреи ассоциировались с причастностью к советским репрессиям — представление, которое стало почвой для развития военного антисемитизма.

На первый взгляд связь между еврейским населением и советской властью, которую обозначали этнические немцы, напоминает формы «местного» антисемитизма, приведшие к погромам на западе Украины летом 1941 года³. Однако существуют два важных отличия. Во-первых, как уже говорилось в первой главе, до революции 1917 года в регионе наблюдались достаточно

¹ Vernehmungsniederschrift von J. M., 7 августа 1962 г., BAL, B162/2296, с. 142. Aussage von R. B., 28 ноября 1962 г., BAL, B162/2301, с. 47–48.

² Aussage von J. G., 26 ноября 1962 г., BAL, B162/2299, с. 142. Vernehmungsniederschrift von W. H., 24 июля 1962 г., BAL, B162/2296, с. 68. Aussage von H. D., 16 декабря 1964 г., BAL, B162/2303, с. 238.

³ См., например, недавнее исследование Джареда Макбрайда о насилии украинцев против евреев в Олевске Житомирской области летом 1941 г.: Jared McBride, «Eyewitness to an Occupation: Collaboration and the Holocaust in Olevs'k, Zhytomyr Region», доклад, представленный на семинаре *Bringing the Past into the Present: Missing Narratives of the Holocaust in Ukraine* (Вашингтон, округ Колумбия: United States Holocaust Memorial Museum, 2009). Джон-Пол Химка подчеркивает центральную роль антисемитизма в идеологии украинского националистического проекта. См.: John-Paul Himka, «The Ukrainian Insurgent Army (UPA) and the Holocaust», доклад, представленный на *American Association for the Advancement of Slavic Studies Annual Convention* (Бостон, Массачусетс, 2009).

доброжелательные отношения между этническими немцами и евреями. Обе группы были меньшинствами, отличающимися по языку и культуре от основной массы населения, и имели схожий опыт: обе становились объектами насилия со стороны славянского большинства¹. Нет убедительных доказательств того, что черноморские немцы участвовали в антисемитских погромах в конце XIX — начале XX века. Таким образом, они не были «историческими» антисемитами, которые потом стали антисоветчиками, — скорее наоборот: антисоветские настроения со временем привели их к ассоциации евреев с источником страданий.

Во-вторых, несмотря на убежденность в том, что отдельные евреи могли быть причастны к советскому аппарату, этнические немцы не начинали убийства евреев самостоятельно в первые дни после начала операции «Барбаросса». Хотя у них была возможность мстить своим еврейским соседям в период между уходом Красной армии и приходом немцев, нет свидетельств, что в это время происходили организованные акты насилия с их стороны. Вероятно, это связано с тем, что евреи воспринимались не как коллективный враг, а как конкретные личности, связанные с властью. Так как многие из этих людей к тому времени уже покинули регион вместе с отступающей армией, цели для мести отсутствовали². Такое персонализированное, а не обобщенное восприятие еврейской вины помогает объяснить, почему этнические немцы доносили только на отдельных евреев, а других, с кем были ближе связаны, могли скрывать от СС даже в 1942 году. Таким образом, восприятие евреев в Транснистрии было более тонким, чем в других регионах Украины, что частично объясняет меньшую степень насилия на начальном этапе оккупации.

Антисемитизма как такового оказалось недостаточно, чтобы побудить этнических немцев к насилию сразу после смены вла-

¹ Fleischhauer, *Die Deutschen im Zarenreich*, с. 375.

² Zeugenschaftliche Vernehmung von E. H., 29 декабря 1961 г., BAL, B162/2290, с. 146.

сти или даже спустя месяцы, когда зондеркоманда R впервые начала мобилизацию для участия в массовых расстрелах. Тем не менее он стал прочной основой, на которой нацистская пропаганда вскоре выстроила свою систему убеждения. Но даже до того, как машина пропаганды развернулась в полную силу, у этнических немцев появился еще один стимул — ограбление.

Роль материального интереса в холокосте остается сравнительно слабоизученной. Это связано с рядом причин. Во-первых, поскольку значительная часть исследований концентрировалась на немецких исполнителях, логично, что акцент делался на таких причинах, как идеологический антисемитизм. Только недавно, по мере углубления изучения этих факторов, историки — в том числе Гёц Али, Мартин Дин и Ян Гросс — начали подробнее исследовать практику грабежа еврейской собственности¹. Во-вторых, ученые избегали излишней материальной трактовки холокоста, опасаясь непреднамеренного подтверждения антисемитского мифа о «богатых евреях». Однако полное игнорирование экономического фактора упускает важный аспект холокоста на территории Восточной Европы и СССР.

В то время как на Западе, в Центральной и Восточно-Центральной Европе грабеж и убийства часто происходили в разное время, в Восточной Европе и Советском Союзе они почти всегда шли рука об руку. Более того, бедность сельских жителей этих регионов делала материальные стимулы гораздо более значимыми, чем для немецких исполнителей. Немецкие участники холокоста в оккупированной Польше редко убивали ради наживы. Зато для крестьян из советской глубинки возможность получить дефицитные вещи после расстрелов являлась весомым побудительным мотивом для участия в геноциде.

¹ См.: Götz Aly, *Hitler's Beneficiaries*; Martin Dean, *Robbing the Jews: the Confiscation of Jewish Property in the Holocaust, 1933–1945* (Кембридж: Cambridge University Press, 2008); Jan Tomasz Gross, *Golden Harvest: Events at the Periphery of the Holocaust* (Нью-Йорк: Oxford University Press, 2012).

Члены «Зельбштутц» в Транснистрии были исключительными лишь в той степени, в какой немецкие власти поощряли их алчность. Исследования материальных аспектов холокоста в Советском Союзе показывают, что местные жители нередко грабили евреев с минимальным участием или даже без какого-либо участия немецких сил безопасности, наблюдавших за расстрелами или поощрявших их проведение¹. Более того, немецкие каратели осуждали своих союзников — особенно румын — за кражу имущества убитых. Зондеркоманда R не только терпимо относилась к грабёжам со стороны местных, но и активно способствовала им. Ограбление стало отличительной чертой действий ополченцев и даже определяло, как зондеркоманда R организовывала массовые расстрелы.

У этого подхода было две причины. Во-первых, состав самой зондеркоманды отличался исключительной жадностью даже по меркам Третьего рейха. Коррупция исходила от самого ее руководства, тому пример — ограбление Музея западной цивилизации в Одессе, совершенное Зибертом в октябре 1941 года². Хоффмайер и Зиберт делились трофеями с немецкими подчиненными, которые с готовностью принимали эти награбленные богатства. Врач-стоматолог, прикрепленный к зондеркоманде, по ее указанию переплавлял изъятое у евреев зубное золото для использования в своей практике. Несмотря на происхождение металла, многие члены подразделения спокойно использовали его для ремонта собственных зубов. Слабый контроль, который зондеркоманда R осуществляла над своими районными командами в сельской Транснистрии, позволял особенно жадным из них, таким как Хартунг, присваивать еврейское имущество в личных целях. Алчность стала частью институциональной культуры зондеркоманды R.

Во-вторых, в зимние месяцы 1941–1942 годов зондеркоманда R нуждалась в еврейской собственности, чтобы утвердить

¹ Jared McBride, «Eyewitness to an Occupation».

² Steinhart, «Policing the Boundaries of 'Germandom' in the East», с. 85.

материальное превосходство этнических немцев в Транснистрии. Передача им коллективных хозяйств и другой сельскохозяйственной инфраструктуры обеспечила им привилегированное положение в социальной иерархии, но не решила острого дефицита потребительских товаров. Хотя имущество, изъятое у евреев, не могло искоренить бедность среди фольксдойче, оно было первым шагом в процессе, кульминацией которого стало перемещение собственности убитых евреев из лагерей уничтожения в оккупированной Польше в Транснистрию. Сочетание борьбы с эпидемией и возможности материальной наживы для местных фольксдойче оказалось настолько соблазнительным, что командиры игнорировали опасность того, что передача еврейской одежды могла, напротив, спровоцировать вспышку болезни, которую якобы пытались предотвратить убийствами.

Когда у ополченцев, подчиненных Фольксдойче Миттельштелле, сформировалось понимание того, что имущество евреев доступно для захвата, воровство стало мощным стимулом к убийству. Участие в расстрелах давало возможность завладеть лучшей одеждой и личными вещами. Поскольку депортированные евреи из Бессарабии, Северной Буковины и Одессы зачастую были богаче своих убийц, этот мотив оказался особенно действенным.

Однако одежда — лишь один (и, вероятно, наименее значимый) из множества материальных стимулов, которые зондеркоманда R предлагала фольксдойче. Членство в «расовом сообществе» нацистов сулило еще более значительные привилегии. В Транснистрии зондеркоманда R обеспечивала воплощение демографических устремлений Третьего рейха, создавая для фольксдойче господствующее социально-экономическое положение. Хотя эта программа оставалась в зачаточном состоянии до второй половины 1942 года, ее очертания уже начали проясняться. Так, осенью 1941 года Хартунг перераспределил ранее общее имущество, наглядно продемонстрировав местным фольксдойче планы немцев обогащать этнических немцев за счет остальных жителей.

Гибкость самого понятия «этнический немец» стала для зондеркоманды R — пусть и неосознанно — важным инструментом, стимулирующим участие в холокосте. Пример формирования ополчения в районном подразделении XI особенно показателен. Даже если Хартунг и его коллеги не осознали, насколько сильно местные лидеры включили в ряды ополченцев не-немцев, сами участники понимали это прекрасно. Хотя члены ополчения Богдановского колхоза в момент его создания не могли предугадать, что впоследствии получат приказ участвовать в массовых убийствах, когда такой приказ все же поступил, они восприняли его выполнение как возможность подтвердить свою принадлежность к немецкому народу. Хотя они и не имели доступа к внутренним документам зондеркоманды R, в которых обсуждалось определение этнической принадлежности, они понимали: отказ от участия в убийствах может быть истолкован как недостаточная преданность национал-социалистическому делу. Такое поведение могло привести к пересмотру их «немецкого» статуса и раскрытию местного заговора по подмене этнических границ, что было реальной угрозой. Во всех районах, включая подразделение XI, постоянные удостоверения этнической принадлежности фольксдойче не выдавались до апреля 1942 года — уже после завершения массовых расстрелов. Соучастие в холокосте облегчало вхождение ополченцев и их семей в «народное сообщество». Любой, кто отказался бы «запачкать руки» ради рейха, с большой вероятностью лишился бы возможности стать его полноправным членом. Неспособность СС четко определить критерии «этнической немецкости» в Транснистрии, по сути, превратилась в эффективный стимул к участию в массовом убийстве.

Местная антисоветская ненависть, связывавшая, пусть и частично, евреев с ужасами советской власти, наряду с тотальным грабежом имущества жертв, создала благодатную почву для пропаганды Фольксдойче Миттельштелле. Согласно доступным данным, пропаганда подразделения соединяла антисемитизм

с антибольшевизмом¹. Однако до начала массовых убийств никакой глубокой идеологической обработки населения не проводилось: все сводилось к нескольким эмоциональным речам командиров СС и ночным церемониям. Но в случае с ополченцами зондеркоманды это оказалось достаточным. Представители угнетенного при Сталине меньшинства, многие местные фольксдойче уже до начала холокоста ассоциировали некоторых евреев с советским режимом. К началу 1942 года они также успели значительно обогатиться за счет геноцида, получив имущество убитых и вступив, пусть и временно, в ряды привилегированного расового сообщества. На этом фоне даже скромная пропаганда оказалась достаточной для того, чтобы расширить представление о вине отдельных евреев и приписать ее всему еврейскому народу. Это дало идеологическое оправдание как убийствам, так и грабежу. Возложив на евреев ответственность за страдания фольксдойче в советский период, многие жители региона почувствовали моральное право мстить и обогащаться. Будучи маргинализированным, травмированным населением, жаждавшим расплаты и оправдания собственной алчности, многие местные этнические немцы с готовностью восприняли нацистские объяснения необходимости геноцида.

Разительный сдвиг в уровне антисемитизма среди местного населения по окончании массовых убийств демонстрирует успех пропаганды зондеркоманды R. В 1941 году, даже на фоне расстрелов еврейских депортированных, в некоторых деревнях жители продолжали укрывать евреев. Эти «заговоры молчания» начали разрушаться, когда активная фаза убийств завершилась. По всей сельской Транснистрии местные жители начали доносить СС на оставшихся «врагов рейха» — евреев, «смешанных» и коммунистов. Хотя такая кампания не пользовалась повсеместной поддержкой, спустя годы многие бывшие жители региона жало-

¹ Görlich, «Volkstumspropaganda und Antisemitismus in der Wochenzeitung 'Der Deutsche in Transnistrien' 1942–1944».

вались следователям на гибель своих друзей и родственников. Хотя подобные заявления могли быть удобным способом уйти от подозрений, часть из них, по всей видимости, была искренней. В частности, первый послевоенный запрос властей ФРГ о расследовании действий зондеркоманды R был спровоцирован письмом от бывшего жителя региона, рассказавшего об убийстве его знакомых «смешанного происхождения»¹. Тем не менее в 1942 году нацистской пропаганде удалось убедить достаточное число местных жителей в необходимости ликвидировать оставшихся «жидобольшевистских» врагов. Защита, которую ранее обеспечивали еврейскому населению крестьяне, исчезла. Если до начала массовых расстрелов большинство фольксдойче еще не были готовы воспринимать всех евреев как часть «жидобольшевистского заговора», то к концу 1942 года многие из них уже стали убежденными антисемитами.

Заключение

Как и большинство палачей, фольксдойче-ополченцы в Транснистрии участвовали в холокосте по множеству причин. Этот комплекс мотиваций был изменчивым и развивался по мере расширения масштабов убийств. Когда зондеркоманда R впервые призвала своих ополченцев к участию в расстрелах еврейских депортированных в декабре 1941 года, определяющее значение имели ситуативные обстоятельства, в частности — социально-психологическое давление, а не антисемитизм.

С усилением вовлеченности зондеркоманды R в массовые расстрелы еврейских депортированных, у местных палачей появились новые мотивы к участию в убийствах. Геноцид оказался для жителей региона исключительно выгодным. Он открыл доступ к потребительским благам, которые были недоступны при советской власти. Более того, он позволил участникам уточнить свою этническую идентичность в глазах Фольксдойче Миттель-

¹ Письмо в Центральное ведомство, ок. 1961 г., BAL, B162/2289/38.

штелле. Включившись в «народное сообщество», местные жители получали доступ к материальным привилегиям, которые Третий рейх предоставлял членам нацистского расового сообщества. Эти привилегии не имели аналогов: ни в одном другом случае участие в убийствах не открывало прямую дорогу в фольксгемайншафт. Хотя в 1942–1943 годах Фольксдойче Миттельштелле вновь пересматривала границы германской принадлежности в Транснистрии, участие в массовых убийствах зимой 1941–1942 годов стало своеобразным билетом в германство.

Местная антисоветская ненависть, когда евреи уже до оккупации ассоциировались с советской властью, в сочетании с материальными выгодами, принесенными геноцидом, подпитывала пропаганду Фольксдойче Миттельштелле в Транснистрии. Жаждающие мести своим советским угнетателям и стремящиеся оправдать награбленные богатства, полученные благодаря массовым убийствам, местные этнические немцы становились восприимчивой аудиторией. Как показало предательство оставшихся в живых евреев и лиц «смешанного происхождения» спустя месяцы после начала германской оккупации, многие фольксдойче в Транснистрии приняли нацистскую пропаганду об «иудеобольшевистском враге». Эти люди начали убивать не потому, что были антисемитами; напротив — многие стали антисемитами, приняв участие в холокосте.